

СЮЖЕТ, МОТИВ, ЖАНР

УДК 821.161.1

А. Е. Козлов

Новосибирск, Россия

АНЕКДОТЫ О ГРАДОНАЧАЛЬНИКАХ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Анализируются сюжетные схемы о представителях губернской власти: губернаторах, городничих исправниках, – определяется метонимическая связь между данными персонажами. На материале сатирического еженедельника «Искра», беллетристики «Отечественных записок» и «Русского вестника» изучаются основные варианты, сформировавшиеся в 60-е гг. XIX в. (градоначальник-взяточник, градоначальник-строитель, градоначальник-самозванец). Отдельное внимание уделяется изучению семантики данного сюжета и способов актуализации тем творчества и восприятия искусства (П. И. Мельников-Печерский, М. П. Стопановский). Изученные схемы, разработанные беллетристическим контекстом, рассматриваются в соотношении с произведениями классической русской литературы (М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский). В заключение подводятся итоги: сюжеты о градоначальниках образуют вариативный сюжетно-мотивный комплекс, который значительным образом влияет на семантику провинциального текста.

Ключевые слова: провинциальный сюжет, провинциальный текст, русская литература XIX века, анекдот.

Среди многочисленных провинциальных сюжетов, точнее, сюжетных схем, обусловленных провинциальным текстом, особую роль играет комплекс взаимосвязанных анекдотических историй о представителях местной власти: городничих, губернаторах и исправниках. Специфическими признаками этого комплекса являются фиксированный набор действующих лиц, ограниченное число сюжетообразующих предикатов и наличие устойчивых, многократно повторяемых вариантов. Несмотря на то что вопрос изучения генезиса этого комплекса остается открытым, можно констатировать, что на протяжении XIX в. формировался определенный «фонд» специфических сюжетных схем, воспринимаемый не только обличительной массовой и демократической литературой, но и присутствующий в качестве сюжетообразующего фона в русской классике. Так, например, обращаясь к фигуре Кирилла Тюфяева во второй части «Былого и дум», А. И. Герцен использует источники, обладающие разной степенью достоверности. Очевидно,

Козлов Алексей Евгеньевич – аспирант, старший преподаватель кафедры русской литературы и теории литературы ИФМИП Новосибирского государственного педагогического университета (Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; alexey-kozloff@rambler.ru; +7 913 746 63 41)

Сюжетология и сюжетография. 2014. № 1. С. 22–30.

© А. Е. Козлов, 2014

что наряду с документальными свидетельствами, в нарратив «Былого и дум» вторгаются опознаваемые читателем XIX в. анекдотические клише, связанные с деятельностью и авантюрной судьбой вятского губернатора.

В контексте описания рассматриваемого комплекса показательны суждения Н. С. Лескова, представленные в рассказе «Однодум»: «Государственная власть в народном представлении от первоисточника своего – монарха разветвлялась так: первое лицо в государстве – государь, правящий всем государством; за ним второе – губернатор, который правит губернией, и потом прямо за губернатором непосредственно следует третье – городничий, “сидящий на городе”» [1, с. 216]. Данное высказывание свидетельствует о наличии глубокой метонимической связи между тремя представителями власти как персонажами. Если император преимущественно осознается читателем-современником как помазанник Божий, губернатор играет в усредненном сознании роль наместника, то городничий становится «наместником наместника», несамостоятельность и несамостоятельность которого определяют анекдотические коллизии формирующихся сюжетов. Однако это сознание не отменяло ответственности, о чем иронически отозвался Герцен, описывая свою встречу с пермским городничим: «...городничий – хозяин города. Что бы ни было, отвечай; казначейство обокрадут – виноват; церковь сгорела – виноват; пьяных много на улице – виноват; вина мало пьют – тоже виноват...» [2, с. 280].

Являясь олицетворением власти и вверенного ему города, городничий в литературе XIX в. становится карикатурным, анекдотическим персонажем, характер которого обуславливается устойчивыми мотивами и образами. Так, продолжая новиковскую и фонвизинскую тему, автор «Путешествия критики» в VI письме высмеивает немца Вральмана: «Г. Вральман бывал де городничим: правда ли?» [3, с. 51]. Письмо представляет развернутый «отчет» о пребывании повествователя М. Г. в доме у Вральмана, который сочетает охотничьи небылицы со служебными историями. «Я был в городе N городничим, сказал он, – неоспоримое доказательство» [3, с. 51], – данная ироническая заметка свидетельствует не только об эфемерности статуса героя, но и места его службы – города N¹. Этот мотив далее развивает В. Ф. Одоевский в «Истории о петухе, кошке и лягушке». Потерявший связь с действительностью городничий является здесь олицетворением всего города Реженска, представляющего олицетворенный хаос и отступление от нормы. Аналогичный сюжет использует А. Ф. Вельтман в «Неистовом Роланде», противопоставляя в повествовании ложного и истинного городничего. Этот внешний конфликт обретает иную семантику в фигуре Сквозника-Дмухановского, представляя рассогласование духовной и мирской, обыденной греховной жизни².

Предположительно рассматриваемые далее анекдотические ситуации можно соотносить с нашедшими активное распространение в фольклоре и демократической литературе XVIII в. историческими анекдотами об императоре и придворных

¹ Ср. сходный контекст в воспоминаниях С. П. Жихарева: «Эта фамилия меня поразила: неужто же, думал я, упоминаемый барон де Ланглад и наш бестолковый данковский городничий барон де Ланглад, которого старик Кудрявцев называет “ворона на разладе”, – одно и то же лицо?» [4, с. 204].

² В отличие от городничего «Ревизора», являющегося распорядителем и хозяином города, губернатор в «Мертвых душах» в большей мере соответствует салонному распорядителю и устройщику балов. Функция данного персонажа практически не реализована; в тексте произведения значительно чаще используются прилагательные *губернаторский* дом, *губернаторская* дочка, нежели существительное, указывающее на субъект. Город N, являясь феминным локусом, очевидным образом не связан с мужским началом (мягкость и неоформленность данного персонажа, его женские привычки (например, *вышивание по тюлю*)).

[5; 6]. О значительной близости двух явлений свидетельствуют слова М. Д. Чулкова: «Не заимствуя в истории других государств, удоволимся мы бытием дел и случаев своего отечества. В древние времена позволены были у нас взятки, что доказывалось челобитными, подаванными от тех людей, которые желали определиться в город воеводою, в них писали обыкновенно: “Надежа-государь, отпусти в город покормиться”» [7, с. 282]. Очевидно, что воевода (впоследствии сменяемый в сюжетах городничим) отправлялся в провинцию *на прокорм*, а его назначение представляло акциденцию, данную с высочайшего позволения. Подобно «Драгоценной шукке» и «Пряничной монете» М. Д. Чулкова, этот мотив развивается в пьесе С. Федорова «Комета». Здесь, следуя советам чиновников, городничий объявляет поборы в связи с наступающей войной. Несмотря на то что слухи о войне опровергаются, городская администрация не возвращает собранные с купцов деньги. С незначительными модификациями исходная схема реализована в «Летописи маленького городка». Приехав из Петербурга и опасаясь гласности, городничий принимает просителей, однако не берет с них денег. В уездном городе начинается брожение умов: «Неужто в самом деле не берёт? Да зачем же и приехал к нам как не брать...» [8, с. 263]. История заканчивается тем, что городничий находит ассигнации на подносе с хлебом-солью. Так, свое развитие получает мотив взятки, обуславливающий денотат большинства рассматриваемых сюжетов.

В посмертно опубликованном рассказе Н. А. Надеждина «Городничий» главным лицом города становится «бывший разбойник», который «сбирает дань» с каждого проезжего. Интересна лаконичная самохарактеристика героя: «Начать с того, что я не милостивый государь, а здешний городничий...» [9, с. 279]. Жертвой шантажа оказывается повествователь – учитель музыки, приехавший на кондидии. Вынужденный заплатить, герой начинает расследование, в ходе которого узнает о разных авантюрах городничего, проходящих, как правило, во время ярмарки³. Центральный эпизод составляет мнимое расследование: купеческий сын уводит с ярмарки дочь нищего и дает взятку, чтобы избежать наказания. Впоследствии оказывается, что «...у старика никогда дочери и не было, а сам же городничий дал ему в дочери какую-то нижегородскую... понимаете?» [9, с. 294]. Таким образом, совершенное преступление становится способом осуществления финансовой авантюры. Достаточно часто в таких историях городничий действует не сам, а через доверенных лиц. Такой вариант представляет «Сплошь да рядом» Вс. Крестовского. Думая сделать благо, городничий вызывает чиновника Лястревского «на прокорм», предлагая тому собрать некоторую сумму во время ярмарки. Данный сюжет можно соотнести с историями о царе-благодетеле⁴: видя своего подчиненного при смерти (Лястревский тяжело заболел, понимая, что не выполнил поручение), растроганный городничий прощает ему долг и жертвует 100 рублей из собранной суммы.

По всей видимости, основные варианты анекдотов о городничих⁵ оформляются в 60-е гг. XIX в., когда должность практически перестает существовать (упразднена в 1862 г.). К этому времени ряд сатирических статей «Искры» предлагает разнообразный материал: городничий становится одним из распространенных действующих лиц, героем многочисленных рубрик («Нам пишут», «Вести

³ Ярмарочный сюжет в «Искре» реализовывался по-разному. В частности, в одном из номеров была представлена карикатура, действующими лицами которой были городничий и купцы. Подпись к карикатуре: «Литераторы в роли купцов и городничего».

⁴ См. *испытание подданного; справедливый суд; отеческое попечение* [5].

⁵ В литературе этого периода городничий, градоначальник и губернатор часто выполняют сходные функции.

из провинции», «Правда ли», «Записки чиновника по особым поручениям «Искры»). На страницах «Искры» городничий и его приспешники обретают устойчивые номинации. Так, большинство известий, входящих в рубрику «Нам пишут», составляли сведения «...о Бородавкине, о его клевете Свидригайлове, а также о клеветах Рыкова, о <...> Краснорецке и Тёмном городе» [10, с. 359]. С деятельностью Бородавкина связывались многочисленные преступления, авантюры и бесчестные похождения: именно он становится собирательным образом городничего-взяточника и городничего-сластолюбца, шантажирующего жен местных чиновников⁶. В связи со служебной деятельностью Бородавкина в «Искорках» приводилось описание повседневной жизни: «Новостей очень много, но все обыкновенные, уездные новости, т. е. домашние: взятки, сплетни, дразги, скандалы. Из четырех этих элементов сложилась наша уездная жизнь, и, как кажется, надолго» [13, с. 305].

Номинация «Бородавкин» могла возникнуть под непосредственным влиянием творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина⁷. Появляясь изначально в «Запутанном деле» (1847), этот герой олицетворяет властного петербургского полицейского. Повествователь отмечает бесцеремонность обращения и грубость Бородавкина, беседующего с просителями. По всей видимости, в дальнейшем имя переходит в разряд нарицательного и появляется в провинциальной хронике «Искры», откуда его извлекает Салтыков. Таким образом, повлияв на создание Бородавкина, Салтыков по возвращении в литературу отчасти заимствует этого персонажа из периодики и вслед за «Искрой» помещает его в провинциальный контекст. В «Истории одного города» Бородавкин – воинствующий просветитель. Подобно Петру I, он ведет войны за просвещение и укрощает стрельцов, при этом имя градоначальника – Василиск – приобретает эсхатологическую семантику: «Явился проповедник, который перелагал фамилию “Бородавкин” на цифры и доказывал, что ежели выпустить букву “р”, то выйдет 666, то есть князь тьмы» [14, с. 340]. В другом месте «Воин за просвещение» сообщает о возможной судьбе Бородавкина: «...если б он пожил подольше, то, наверное, кончил бы тем, что или был бы сослан за вольномыслие в Сибирь, или выстроил бы в Глупове фаланстер» [14, с. 350]. В этом контексте мотив авантюры становится доминирующим: Бородавкин в большей степени соответствует авантюристу-устроителю, нежели взяточнику.

Строительство и устройство также входит в структуру многих рассмотренных анекдотов⁸. При этом практически до конца века игнорируется роль архитектора: городничий и губернатор соотносятся не только с верховной вла-

⁶ О любезностях городничих тоже бытовал своеобразный анекдот. В рубрике «Нам пишут» сообщалось о «деликатном приеме Бородавкина», который оборвал просительницу словами: «Я секретничаю только с хорошенькими» [11, с. 320]. Тот же анекдот приведен в «Обличителях» М. П. Стопановского: граф Чичихин грубит просительнице, после чего сообщается: «Чичихин однако спохватился и дал ей секретную аудиенцию. Для хорошеньких была другая комната [12, с. 67].

⁷ Ещё один возможный источник представляет пьеса А. Потехина «Виноватая» (1857), героем которой является московский генерал Иван Иванович Бородавкин. Однако герой в этой комедии лишен ярко выраженных отрицательных черт. По всей видимости, жизнеописание авантюрного героя в беллетристике Щедрина, становясь мифом, мифологизировало саму фигуру Бородавкина. Во всяком случае, интерес сатирической печати к этой фигуре иссякает после появления «Истории одного города»; как городничий Бородавкин выпадает и из контекстов М. Е. Салтыкова-Щедрина. После «Истории одного города» Бородавкин неоднократно появляется в творчестве Салтыкова, обозначая, однако, представителя купеческого сословия (см. «Благонамеренные речи», «Пошехонские рассказы»).

⁸ См.: участие в труде, службе, сражении [5].

стью, но и с создателем города, творцом, демиургом. Так, описывая городок Б., Н. В. Гоголь указывает: «Самая рыночная площадь имеет несколько печальный вид: дом портного выходит чрезвычайно глупо не всем фасадом, но углом; против него строится лет пятнадцать какое-то каменное строение о двух окнах; далее стоит сам по себе модный дощатый забор, выкрашенный серою краскою под цвет грязи, который, на образец другим строениям, воздвиг городничий во время своей молодости» [15, с. 175]. Мотив серого цвета использует впоследствии Н. С. Лесков, описывая уездный город в повести «Смех и горе». Через смену цвета здесь представлена история губернской власти: «Прежде цвета были разные, кто какие хотел, а потом был старичок-губернатор – тот велел все в одинаковое, в розовое окрасить, а потом его сменил молодой губернатор, тот приказал сделать все в одинаковое, в мрачно-серое, а этот нынешний как приехали: “что это, – изволят говорить, – за гадость такая! перекрасить все в одинаковое, в голубое”, но только оно по розовому с серым в голубой не вышло, а выяснилось, как изволят видеть, вот этак под утиное яйцо» [16, с. 508]. Очевидно, что, как и в «Истории одного города», действия каждого городничего (здесь – губернатора) направлены на механическое уничтожение всех достижений предшественника. Поскольку это оказывается невозможным, провинция в повести Лескова представляет предельно неупорядоченное пространство, хранящее своеобразную «память» о предшествующих губернаторах. Зачастую истории о городничих-строителях представляют набор курьезов, в которых конструктивная деятельность заканчивается деструкцией. Описывая мероприятия губернатора по благоустройству города в «Очерках с натуры», В. Назарьев указывает: «Но не взлюбил простора этого бывший губернатор, страстный охотник до городских украшений. Немедленно украсил он большую улицу во всю длину ее высоким валом с тощими акациями по бокам и даже для эффекта приказал разбросать выкрашенные зеленой краской скамейки» [17, с. 641]. После этого описания автор представляет размышления молодого человека, который сравнивает беспорядочно стоящие дома с губернским обществом: «Что за дрянь настроена! <...> И кажутся с виду друзьями, и руки протягивают, а между тем так и морщатся, и косятся друг на друга... Вот оно – ни дать, ни взять наше губернское общество»⁹ [17, с. 642].

М. Е. Салтыков-Щедрин неоднократно обращается к строительной теме. Так, в «Помпадурках и помпадуршах» камнем преткновения в споре между старым губернатором и его преемником становится мощение улиц: «...рассказывается история о погибших губернаторах, и в особенности приводится в пример некоторый Иван Петрович, который “все совершил, что смертному совершить доступно, то есть недоимки собрал, беспокойных укротил, нравственность водворил, и даже однажды высек совсем неподлежаще одного обывателя, но по вопросу о мостовых сломился, был отрешен от должности и умер в отставке, не выслужив пенсии» [14, с. 28]. В художественном мире рассказа мощение составляет особый подвиг, совершение которого под силу только сказочному герою. Знаменательно,

⁹ Несмотря на то что сюжет о градоначальнике-строителе практически не развивается в последующей литературе, можно рассмотреть историю об архитекторе как один из его возможных вариантов. Многочисленные рассказы А. П. Чехова объединены общим мотивом безобразия провинциального города. Особенно интенсивно этот мотив развивается в «Моей жизни». Отец главного героя – провинциальный архитектор, предстает в художественном тексте противоположностью гения и творца, выступая в роли своеобразного антидемиурга: «Почему-то все эти, выстроенные отцом, дома, похожие друг на друга, смутно напоминали мне его цилиндр, его затылок, сухой и упрямый. С течением времени в городе к бездарности отца пригляделись, она укоренилась и стала нашим стилем» [18, с. 198]. Таким образом, описание архитектора Полозова может быть рассмотрено в контексте продолжения сюжета о ревностных градоначальниках-строителях.

что по заключении мира преемник приказывает прекратить мощение. В «Истории одного города» наряду с Бородавкинским городничим-строителем является Угрюм-Бурчеев, бросающий вызов стихии (спор с рекой). Разрушение города в фантазмагории Салтыкова связано с гибелью исторического времени и появлением некоторого «оно», очевидным образом исключающего существование какой-либо привычной иерархии.

Сравнивая сюжеты о городничих с анекдотами об исторических личностях, необходимо обратить внимание на сюжет о ложном городничем¹⁰, соотносимый с историями о самозванцах. Как было отмечено выше, образ городничего часто связан с изображением общей ущербности и неполноты провинциального мира. Так, рассказывая о Тёмном городе, фельетонист «Искры» отмечает: «На улицах тьма кромешная, потому что город, следуя прадедовским обычаям, кроме света Божьего ничем не освещается; окна в домах наглухо заперты ставнями. Огни блестят только в доме начальника города...» [19, с. 358]. В рубрике «Нам пишут» неоднократно повторялся анекдот (предположительно, связанный с романтической традицией) о портрете городничего, наделенном особой силой. В одном из «Курьезных случаев», представленных С. Федоровым, описан городничий, появление которого заставляет обывателей трепетать (чиновники называют его изначально Зверобоем, потом Громобоем). Также упоминается, что он «...на портрет какой-то молится у себя, а, если в портрет этот выстрелить, то он беспреречно помрёт» [20, с. 505]. В городе множатся слухи, которые сводятся к единодушному решению: у городничего есть двойник. Притом что сам чиновник днями и ночами следит за своими подчиненными, его двойник оказывается обычным воров, обкрадывающим обывателей. Скандал, связанный с поимкой вора, показывает двойственность натуры городничего – подлинного ревнителя просвещения и обманщика-вора (т. е. взяточника). Мотив неподлинности является одним из определяющих в «Истории одного города»: фантазмагорический мир представляет значительное количество ложных лиц и отражений. Например, Брудастый, названный наряду со своим двойником, «самозванцем», Прыщ, «уличенный местным предводителем дворянства», наконец, Беневоленский, оказавшийся шпионом, связанным с Наполеоном. Таким образом, Салтыков-Щедрин показывает, что история представляет ряд компромиссных фактов, мало соотносимых с действительностью.

Исходная схема обретает несколько оригинальных вариантов, связанных с темами творчества и восприятия произведения искусства. В частности, в рассказе П. И. Мельникова-Печерского «Именинный пирог» предметом обсуждения собравшихся в гостиной чиновников становится портрет его превосходительства, губернатора. Портрет вызывает вящий страх в подчиненных: видя лицо губернатора, они понижают голос и стараются говорить о служебных занятиях. Однако водворению портрета предшествуют две неудачные попытки: первый раз в дом стряпчего привезли «Итальянское утро», вызвавшее семейный раздор, а привезенный во второй раз портрет, представляя его превосходительство в штатском, не вызывал должного трепета и уважения. После «реконструкции» портрета меняется и его значение: «Тишина райская пошла. Жена ни гугу, а дети разревутся – нянька прямо их в гостиную. Покажет на портрет, скажет: “а вон бука-то!”. Ребенок и стихнет. Сами изволите видеть: и величие, и строгость, и важность, все. И две звезды и лента через плечо. Случится в суд опоздать, так я из спальни через кухню, а мимо портрета не могу. Не вынесу, ей-богу не вынесу!» [21,

¹⁰ См.: *неузнанный император* [5].

с. 120] ¹¹. Учитывая профанное восприятие произведения искусства, можно утверждать, что губернатор-человек воспринимается здесь как самозванец и противопоставлен идеализированному представлению о подлинном губернаторе. Обратный вариант встречается в одной из ситуаций в романе «Обличители» М. П. Стопановского. Временно назначенный губернатором Грязеслава граф Чичихин, ознакомившись с обличительной повестью «Братья разбойники», видит идеал своей служебной деятельности в поступках и действиях графа Временева. Подобно вельможе, принимающему хвалебную песнь или оду, Чичихин благословляет обличителей и пишет назидательное письмо своему близкому приятелю из соседней губернии Сквознику-Обдулмайскому-Кучкину. Однако новый номер «Погодовестника» разбивает честолюбивые планы Чичихина: он предстает «пустым Верховлетом», авантюры которого вызывают всеобщий смех. Так, дальнейшее развитие сюжета обличительной повести способствует разоблачению книжного героя. Вместе с ним, осуществляя вульгарный акт чтения и соотнося себя с идеализированным характером, разоблачается и Чичихин.

Наиболее неоднозначным случаем обращения к фигуре губернатора можно назвать сюжетную линию фона Лембке, развивающуюся в «Бесах» Ф. М. Достоевского. Вводя в сюжет «русского немца православного исповедания», который в свободное время «романы пописывает», Достоевский представляет этого персонажа в гротескном, сатирическом свете. Особая интенсификация гротеска совпадает с кульминационным центром романа – вечером в поддержку гувернанток, литературной кадрили и следующим за ней пожаром. Обезумевший Лембке, преследующий неведомых флибустьеров, развивает здесь интенсивную деятельность по предотвращению огня. Поступки героя гипертрофированы, а речь представляет соединение случайных фраз и предложений, что обнаруживает неразрывную связь с анекдотическим репертуаром «Искры» и «Историей...» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Однако в структуре романного целого бессвязный набор фраз, произносимых Лембке, обретает глубинный смысл: «Все поджог! Это нигилизм! Если что пылает, то это нигилизм! <...> Пожар в умах, а не на крыше домов. Стащить его и бросить все! Лучше бросить, лучше бросить! Пусть само как-нибудь! Ай, кто еще плачет? Старуха! Кричит старуха, зачем забыли старуху!» [22, с. 481]. Если задачей Салтыкова-Щедрина было соотнести одушевленное и неодушевленное (Брудастый, Прыщ), в «случайных словах» Лембке можно видеть особый провиденциальный смысл. По видимому, в случае «Бесов» использование сатирических схем мотивировано общей художественной задачей: формируя романное целое, Достоевский синтезировал отстоявшиеся жанровые формы. Обращение к клише и шаблонам способствовало «типизации» фабулы, что одновременно позволяло дать развитие сюжету и – что наиболее важно – экзистенциальной и метасюжетной событийности произведения.

Наличие сходных сюжетных схем свидетельствует о формировании общего тематического репертуара, осознаваемого писателями и читателями-современниками. В то время как подобные схемы соответствовали запросу массового читателя, сюжетные смыслы, обусловленные метонимическим и метафорическим переносом, часто использовались в беллетристике и классике. Учитывая сюжетный потенциал и семантическую емкость таких схем, можно утверждать, что их качественное развитие обусловлено классическими произведениями русской литературы (Н. С. Лесков, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский).

В то же время уместно рассматривать сюжеты о провинциальных градоначальниках в контексте эволюции (или содержательной редукции) исторических

¹¹ См. далее: «Грозён, говорю, действительно. И зев, говорю, у его превосходительства очень грозён. Зарычит на ревизии – душа в пятки уйдет» [21, с. 120].

анекдотов и сюжетов. В таком случае логика развития данного комплекса обусловлена «погасанием» личностных и исторических контекстов и актуализацией обобщений «историческое лицо – представитель власти – власть».

Таким образом, регистрация представленных выше схем имеет сюжетографический смысл, не только показывая направления возможных заимствований, но и демонстрируя устойчивые взаимосвязи между массовой и классической литературой в единой структуре провинциального текста.

Список литературы

1. Лесков Н. С. Однодум // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 6.
2. Герцен А. И. Былое и думы. Тюрьма и ссылка // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1956. Т. 8.
3. Путешествие критики, или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частью сам был очевидным свидетелем. Сочинение С* Фон Ф*, 1818. Памятник русской сатирической публицистики начала XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1951.
4. Жихарев С. П. Записки современника. М., Л.: АН СССР, 1955.
5. Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
6. Печерская Т. И., Никанорова Е. К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010.
7. Чулков М. Д. Драгоценная шука // Популярная бытовая проза XVIII века. М.: Современник, 1989.
8. Гаганидзе Р. Летопись маленького городка // Отечественные записки. СПб., 1863. Т. 150.
9. Надеждин Н. А. Городничий // Отечественные записки. СПб., 1862. Т. 143.
10. Нам пишут // Искра. СПб., 1861. № 24.
11. Нам пишут // Искра. СПб., 1860. № 37.
12. Стопановский М. П. Обличители // Отечественные записки. СПб., 1862. Т. 140.
13. Искорки. Из тёмного города // Искра. СПб., 1861. № 17.
14. Салтыков-Щедрин М. Е. Помпадур и помпадурши. История одного города // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1969. Т. 8.
15. Гоголь Н. В. Коляска // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., Л.: АН СССР, 1938. Т. 4.
16. Лесков Н. С. Смех и горе // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 4.
17. Назарьев В. Очерки с натуры // Отечественные записки. СПб., 1863. Т. 146.
18. Чехов А. П. Моя жизнь (рассказ провинциала) // Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 9.
19. Стопановский М. Жизнь как она есть // Искра. СПб., 1860. № 34.
20. Буки-б (Федоров С. Н.). Курьезные случаи. Сидор Сидорыч и его двойник // Искра. СПб., 1861. № 36.
21. Мельников-Печерский П. И. Именинный пирог // Русские повести XIX века 60-х годов: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 1.
22. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 7.
23. Литераторы в роли купцов и городничего // Искра. СПб., 1860. № 16.

A. E. Kozlov

Novosibirsk, Russian Federation

**ANECDOTAL STORIES ABOUT LOCAL PUBLIC AUTHORITY
IN THE PROVINCIAL TEXT OF RUSSIAN LITERATURE OF XIX CENTURY**

The article is devoted to investigation a plot schemes connected with provincial public authority. Metonymical relationship between characters: governors, mayors, policemen, – is researched on the material of the «Native Notes» («Otechestvennye Zapiski», «Russian Bulletin» («Russky Vestnik»), «Spark» («Iskra»). Main variants of realization a plot schemes (as governor-bribe taker, governor-builder (foreman), and governor-pretender) and semantic of these anecdotal stories are considered. Special attention is paid to the study how mainstream themes of creativity and perception of the art (P. Melnikov-Pechersky, M. Stopanovsky) is realized by the provincial context. Studied schemes has developed context of the Russian fiction; it's investigated in relation of classical Russian masterpieces (Saltykov-Schedrin, Leskov, Dostoyevsky). In conclusion, the article summarizes: stories about the governor of the city formed of variability plot-motivic complex, which significantly affects the semantics of the provincial text.

Keywords: provincial stories, provincial text, Russian literature of XIX century.

Kozlov Alexey E. – postgraduate student of Russian literature and theory of literature (sub) department of Institute of Philology, Mass Information and Psychology of Novosibirsk State Pedagogical University. (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation; alexey-kozlof@rambler.ru; + 7 913 746 63 41).